

Из предисловия к вышедшей на итальянском языке книге Джулио Мотози “Cronache della via della Seta”.

Марксистская наука всегда проявляла интерес к Китаю. В открытии «мирового рынка» в середине XIX века, в азиатской перспективе «горючих материалов» революции в начале XX века, перед лицом «длительной контрреволюционной фазы» в послевоенный период, в современных зигзагах «кризиса порядка» и в его ожидаемом сломе: в последние два века Китай непременно появлялся во всех узловых моментах, разрабатываемых революционной наукой.

Эта книга ограничивается одним конкретным аспектом – глобальной проекцией Дракона в последние десять лет. Империалистическое созревание азиатского гиганта не могло не пошатнуть порядок, установленный победителями второй мировой войны, и не привести к его кризису. Этот порядок смог переварить восстановление Германии и Японии, но это происходило на либеристской волне экономического цикла, которую поддерживало беспрецедентное послевоенное расширение мирового рынка. Сегодня китайское вторжение встречает на своём пути вооружённый либеризм с высокими военными расходами, а также возвращённый “защитник” – государственный капитализм, оснащённый элементами протекционизма в Америке и Европе. Кооптация Китая в картель великих империалистических держав повлечёт за собой столь непропорциональные изменения в разделе мира, что старым державам будет трудно принять этот процесс мирно. Обширное пространство мирового рынка также становится всё более тесным для финансовых монополий старых держав, поскольку им бросают вызов новые силы. Экономический цикл, политический цикл и военный цикл завязываются в узел, не находя иного разрешения, кроме *слома порядка*: либо империалистическое варварство, либо социальная революция.

“Хроники Шёлкового пути” месяц за месяцем фиксируют развитие основных направлений китайской внешней политики. Уже некоторое время она пытается поддерживать хрупкое равновесие: с одной стороны, постепенно отказываясь от политики “осторожности”, предписанной Дэн Сяопином, – скрывая своих сильных сторон, медленном укреплении позиций и избегании провоцирования излишней реакции, – и, с другой стороны, активно ведя игру баланса сил, аккуратно используя реалистический подход в отношениях с главными центрами многополярного мира – США, ЕС, Россией, Индией, Японией и т. д. – но в то же время подбадривая и завлекая средние державы, а при необходимости их припугивая. В последние годы Дракон всё больше привлекает к себе внимание на международной арене. Попытка Китая «использовать варваров против варваров», в основном используя противоречия между старыми атлантическими державами, сталкивается с противодействием, вызванным его постепенным проникновением в Африку и на Средний Восток, в Персидский залив и даже на европейскую периферию. Китайские и антикитайские “партии”, возникшие в метрополиях, воплощают многообразие возможных ответов, от переговоров с Китаем до подготовки к военному противостоянию – таковы “две руки” политики в отношении Пекина. То, что Европа определила Китай одновременно в качестве “партнёра” и “соперника”, не могло стать неожиданностью для марксистской диалектики, привыкшей видеть в единстве противоположностей конечный двигатель движения. Мирный раздел и военная борьба, единство и раскол империализма всегда были частью ДНК нашей концепции унитарного империализма как «*логова разбойников*», объединённых грабежом, но разделённых, когда приходится делить награбленное. Если так, то необходимо точно оценить пропорции и ритмы в тенденции к будущему распаду господствующего порядка.

Напряжённость накапливается от Персидского залива до Тайваньского пролива, в новых узких местах, болевых точках противостояния, где концентрируются противоречия между державами. Это отдаёт должное нашему долгосрочному анализу многомерной артерии Персидского залива и войны в Ираке 2003 года, которую мы интерпретировали как упреждающую войну США против Европы и Китая, причём через управление потоками нефти, а не только ради самой нефти, на ключевых евразийских маршрутах. Энергетические

потоки давно были охвачены стратегической борьбой между державами. Двадцать лет спустя присутствие Дракона в Персидском заливе стало неоспоримой экономической и политической реальностью.

Двадцать лет назад вступление Пекина в ВТО, создание евро в Европе и войны американского упадка стали *политическими фактами*, положившими начало *новой стратегической фазе*, потому что Китай, держава, вышедшая из зоны отсталости, поделённой империализмом, а затем благодаря ему получившей развитие, бросал вызов послевоенному порядку и требовал нового раздела мира. Переходная фаза, сумерки старого порядка, но ещё не его слом, классическое скрытое накопление противоречий, которое подготавливает каждую крупную химическую реакцию в истории, требует особого внимания к вариациям и нюансам китайской внешней политики, к плюрализму школ мысли, к корректировкам и колебаниям их ориентаций во времени. За неимением серьёзной систематической работы в западных источниках мы рассмотрели некоторые основные направления из обширной литературы на китайском языке.

Дракон делает шаг вперёд, представляя себя в качестве нового крупного промышленного инвестора и благожелательного миротворца, предлагая Киеву и Тель-Авиву принципы мира, а старые принципы «сосуществования» адаптируя к потребностям современных развивающихся стран. Ни одно из ключевых течений в Китае не провозглашает разрыв со старым порядком в числе своих ближайших намерений, но в целом даже те, кто наиболее неохотно расстаётся со старыми дозировками миролюбия и либеризма, присоединяются к неуклонной тенденции азиатского перевооружения. Это лишь вопрос времени, – понимают они, подсчитывая авианосцы, боеголовки и истребители последнего поколения, – когда гонка перевооружений приведет к «азиатской региональной войне», подобной тем, которые на Украине и Газе дали возможность говорить о начале кризиса порядка. Такая война проверит реальные силы Китая: все эти годы он держался в тени, не имея возможности продемонстрировать свою военную готовность – ключевой элемент сдерживания. И вот суровые времена пришли.

Наша школа этим не удивлена. Никогда ещё империалистическое становление не было анонсировано настолько заранее: Маркс и Энгельс предсказывали капиталистическое развитие Китая в середине XIX века, а Ленин в своём анализе описал инструменты, позволяющие предвидеть его империалистическое развитие в XX веке. В послевоенный период, восстанавливая нити анализа неравномерного развития капитализма в империалистической фазе, можно было рассматривать индустриализацию и будущее утверждение Дракона в роли великой державы в рамках стратегического подхода ленинской партии. С достижением Китаем империалистической зрелости и формированием гигантского азиатского пролетариата этот стратегический фактор, обречённый расшатать послевоенную империалистическую систему, оказался налицо. То, что под взглядом Маркса едва проросло из «исторической коллизии» европейского капитализма с китайским, сегодня выливается в столкновение Китая с мировой системой. Перед лицом таких вызовов метод исторического и диалектического материализма доказывает своё превосходство.

Не случайно, проследивая «красную нить» революционной стратегии, нить сознательного действия пролетариата, основанного на теории и научном постижении международной динамики классов и держав, мы возвращаемся к первым статьям Маркса и Энгельса о Китае. В их работах середины XIX века Поднебесная уже вписана в гениальное видение мирового рынка, созданного крупной капиталистической промышленностью.

В «Немецкой идеологии» 1845–1846 годов среди принципов марксистской теории международных отношений закрепляется фундаментальный тезис об «исторической коллизии», или «социально-политических потрясениях, спровоцированных извне», источником которых является расширение мирового рынка, конкуренция со стороны более развитых в промышленном отношении стран и нарушение равновесия в системе государств, вызванное движением самого капитала. Китай XIX века являлся объектом такой *коллизии*.

Марксизм родился благодаря взгляду на мир целиком и исследованию исторических тенденций. В *Neue Rheinische Zeitung* 1850 года на нескольких страницах увязываются поражение европейских революций 1848–1849 года, развитие капитализма в Америке и Азии – с открытием золотых приисков в Калифорнии и «поворотом колеса» мировой торговли к Тихому океану – и *внешняя коллизия* британского капитализма в Китае. Китайское «живое

ископаемое», распадаясь при первом же контакте с экспортными товарами английской буржуазии – тюками хлопка и пушечными ядрами, – породило парадоксальные социальные явления: эгалитарное восстание тайпинов, крестьянское движение утопического и религиозного характера, в то же время являлось семенем буржуазной и мелкобуржуазной демократии, посаженным в застоявшуюся землю тысячелетней империи.

Маркс и Энгельс исследуют столкновение британского капитализма с китайским и возможное обратное воздействие китайского кризиса на кризис британской торговли: *«Любопытное будет зрелище: Китай вызывает потрясения в западном мире»*¹ (*“Революция в Китае и Европе”*, 1853). Изучение Китая стало частью исследования распространения капитализма по всему миру и универсальности законов его движения. В *“Манифесте коммунистической партии”* 1848 года говорится, что буржуазия, которой движет *«потребность в постоянно увеличивающемся сбыте продуктов»*², разрушит *«все китайские стены»*³. В 1859 году Маркс выявляет очевидную *«загадку»*⁴, кроющуюся в упорном сопротивлении китайского мелкого производства британской промышленной мощи. В *“Капитале”* сравнение с Индией демонстрирует связь между скоростью экономического проникновения капитализма и *«непосредственной политической силой»*⁵, которую реализуют государства, воплощающие её коллизию, тогда британская хватка в отношении Китая ослабевала. Только после китайско-японской войны 1894 года Энгельс смог уточнить оценки капиталистического развития Поднебесной за полвека, отметив войны как его решающий фактор. Изоляцию старого Китая, *«частично»*⁶ нарушенную войнами европейцев, штурмовала новая японская буржуазия.

В переписке 1894 года Энгельс включает Китай в число факторов *кризиса конца века*⁷. Своим прозорливым диалектическим умом он оперирует понятиями, прослеживает основную логику, в которой развитие Америки и Азии оказывает обратное воздействие на Европу, а капиталистическое развитие Китая сотрясает сам капитализм. Распад китайской деревни, *«вытесненные с земли крестьяне, которые устремятся на побережье»*⁸, *массовая конкуренция*⁹ со стороны Китая после индустриализации – всё это уже появилось в его размышлениях. Энгельс давно рассуждал о *конкуренции на мировом рынке*, в которую развитие капиталистического производства втянуло рабочих всего земного шара, и о перспективе превращения Китая в *великую промышленную державу*¹⁰.

К концу XIX века этот фактор стал одним из ключей к предсказанию европейского кризиса, наряду с крахом британской монополии, возвышением новой американской державы и Японии в Азии, а также изменением соотношения сил на мировом рынке. Многосторонняя стратегия Энгельса обращена к XX веку империализма, высшей фазе, которая множит глобальные сообщающиеся сосуды капитализма. Открытая в 1850 году, диалектика между Европой и мировым рынком распространяется на новые неевропейские державы. Ленинская теория будет развивать это открытие.

Октябрь 2024 г.

¹ - Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 9. С. 103.

² - Там же. Т. 4. С. 427.

³ - Там же. С. 428.

⁴ - Там же. Т. 13. С. 565.

⁵ - Там же. Т. 25. Ч. I. С. 366.

⁶ - Там же. Т. 39. С. 250.

⁷ - См. Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 39. С. 252.

⁸ - Там же.

⁹ - Там же. С. 259.

¹⁰ - См. Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 614.